

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ КРАШЕНИННИКОВЪ.

(Бывшій редакторъ Морскаго Сборника въ 1850, 1851 и 1852 годахъ).

Сергѣй Петровичъ Крашенинниковъ по своему воспитанію, первоначальной службѣ и учено-литературнымъ трудамъ принадлежалъ флоту; онъ пользовался искреннею пріязнію современнаго ему морскаго общества и рѣдкимъ, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ, кто только зналъ его близко.

Во многихъ отношеніяхъ, это была истинно рѣдкая личность и общество моряковъ, воспитавшее и имѣвшее въ средѣ своей подобнаго человѣка, должно по справедливости гордиться такимъ сочленомъ.

С. П. былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, потеря которыхъ сопровождается искреннею, глубокою скорбію и въ кругу знакомыхъ и сослуживцевъ оставляетъ навсегда незамятое мѣсто.

Родители С. П. были небогатые дворяне: отецъ отставной преміеръ-маіоръ Петръ Ивановичъ, а мать Авдотья Петровна, изъ фамиліи Ададуриныхъ.

Сергѣй Петровичъ родился въ Москвѣ 14 августа 1811 года. На шестомъ году онъ лишился отца и остался на попеченіи матери, достойнѣйшей женщины. Первые годы его дѣтства прошли въ благодатномъ климатѣ Воронежской губерніи, въ деревнѣ роднаго дяди. Сама мать выучила ребенка читать, а преподавателемъ писанія и вмѣстѣ съ тѣмъ дядкою, былъ походный слуга его отца, старый дворовый Алексѣй Петровичъ. Этотъ Петровичъ принадлежалъ къ типу исчезающихъ нынѣ старыхъ преданныхъ слугъ, представлявшихъ едва ли не един-

ственный хорошій плодъ крѣпостнаго права. Называясь слугами, люди эти по справедливости могли считаться членами семьи своихъ господъ. Когда наступило время учиться, маленькаго Крашенинникова перевезли въ Москву, въ домъ его крестной матери (родной тетки по отцѣ) Настасьи Ивановны Нечаевой, вдовы генераль-маіора. Учиться Сергѣй Петровичъ ходилъ въ сосѣдній пансіонъ, а дома съ нимъ занималась крестница и воспитанница тетки, Анна Ивановна Давыдова, молодая дѣвица, только что окончившая воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ и при выпускѣ получившая шифръ. Настасья Ивановна имѣла послѣ мужа порядочное состояніе и жила по барски. Выѣзжала изъ дома не иначе, какъ въ каретѣ шестерней, цугомъ съ двумя фореиторами и ливрейными лакеями на запяткахъ. Въ домѣ ея царствовалъ строгій порядокъ и поддерживалась почти военная дисциплина. Все дѣлалось своевременно, съ полною акуратностію и вездѣ сохранялась безукоризненная чистота, не совсѣмъ обыкновенная для того времени.

Всѣ религіозные обряды соблюдались «по старинѣ». Строго содержали посты, каждый праздничный день всей семьей отправлялись въ церковь, первое число мѣсяца служили молебень и въ жилыхъ комнатахъ, предъ иконами, теплились неугасимыя лампадки. Самыми ближайшими лицами къ ребенку были: наставница его Давыдова и мать Нечаевой, старушка Марья Назаровна. Умная и образованная Давыдова, очень любимая ученикомъ, много пособляла его развитію и, между прочимъ, выучила порядочно французскому языку; а Марья Назаровна, добрейшее и любящее существо, лакомившее и лелѣвшее ребенка, бессознательно зароняло въ воспріимчивую душу его много добрыхъ сѣмянъ, давшихъ впоследствии хорошіе плоды. Набожная, помогавшая бѣднымъ, она соболѣзновала горестямъ каждаго и если уже кто не нуждался въ помощи матеріальной, то она старалась хотя полечить его, и отыскавъ какую нибудь болѣзнь спѣшила навязать лекарство. Мезонинъ, въ которомъ жила старушка и куда строгая хозяйка дома появлялась только въ особенно важныхъ случаяхъ, былъ домашнимъ раемъ для мальчика.

Деревня и Москва представляютъ едва ли не самыя выгодныя условія, для развитія русскаго ребенка. Въ деревнѣ—близость къ труженику крестьянину и природѣ,—знакомятъ съ ними мальчика и заставляютъ ихъ полюбить; Москва же—со своими особенностями общественнаго и частнаго быта, со своими святынями и историческими памятниками, незамѣтно, изъ ребенка—образуетъ добраго и дѣльнаго русскаго человѣка.

Случайный пріѣздъ къ теткѣ одного знакомаго моряка, рѣшилъ участь Сергѣя Петровича и онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, для приготовленія къ поступленію въ морской корпусъ. Къ счастью, наставница его Давыдова, вышедшая замужъ за чиновника министерства юстиціи, Петра Васильевича Хавскаго, въ то же время перебралась въ Петербургъ и, разумѣется, въ ихъ домѣ Сергѣй Петровичъ былъ принятъ какъ близкій родной.

До поступленія въ корпусъ онъ провелъ около года въ приготовительномъ пансіонѣ, который содержалъ инспекторъ иностранныхъ языковъ морскаго корпуса Францъ Ивановичъ Деливронъ. Пансіонъ этотъ, имѣвшій не болѣе десяти воспитанниковъ, былъ не сухою оброчною статьею, а большой семьей, въ которой воспитанники ни въ чемъ не отличались отъ собственныхъ дѣтей содержателя. Въ этомъ пансіонѣ всѣмъ, кромѣ ученія, завѣдывала супруга Франца Ивановича, достойнѣйшая Анна Андреевна, хорошо извѣстная и любимая многими изъ старыхъ моряковъ, прошедшихъ въ дѣтствѣ чрезъ ея руки. Хлопотливая, отличная хозяйка, все видѣвшая и вездѣ поспѣвавшая, она суетилась съ утра до вечера. Акуратная, даже нѣсколько слишкомъ акуратная, для русскаго мальчика, она требовала отъ дѣтей во всемъ строгаго порядка, не забывала, за что слѣдовало взыскать, но умѣла при случаѣ и приласкать. Ее любили и боялись болѣе нежели самого Франца Ивановича.

Между такими добрыми людьми и при такой благопріятной обстановкѣ прошло все дѣтство С. П. Мы позволили себѣ относительно этого времени войти въ нѣкоторыя подробности, только потому, что направленіе, полученное въ дѣтствѣ, у С. П.

сохранилось съ рѣдкою цѣлостію до конца жизни и все посѣянное добрыми людьми въ душѣ и сердцѣ ребенка, въ послѣдствіи въ зрѣломъ возрастѣ отразилось въ прекрасныхъ свойствахъ его характера. Кажется, сама судьба съ особенною заботливостію берегла его, отъ всякаго серьезнаго горя, отъ всякаго грубаго прикосновенія суровой дѣйствительности, съ тѣмъ, чтобы сохранить неповрежденными невозмутимую ясность души, мягкость характера и ту дѣтскую вѣру въ людей, которыми до конца жизни отличался С. П. Изъ воспоминаній всего дѣтства у него не сохранилось въ памяти ни одного горькаго озлобляющаго факта, ни одной несправедливости или обиды, со стороны окружающихъ его лицъ. Рѣдкому счастливцу выпадесть на долю такое дѣтство. Въ мартѣ 1823 года С. П. поступилъ въ морской корпусъ и назначенъ былъ въ 4-ю роту, которою командовалъ инспекторъ классовъ М. Ф. Горюковенко. Это обстоятельство, для новаго кадета, имѣло то важное значеніе, что всѣ преподаватели, на воспитанниковъ инспекторской роты, обращали особенное вниманіе. Учился Крашенинниковъ хорошо и черезъ два года произведенъ былъ въ гардемарины; а въ послѣдній годъ пребыванія своего въ корпусѣ сдѣланъ даже фельдфебелемъ гардемаринской роты, то есть получилъ высшее званіе, какое только могло быть доступно воспитаннику. Во время гардемаринства Крашениникова, на него имѣли большое вліяніе два корпусныхъ офицера: Алексѣй Михайловичъ Трескинъ и Апполонъ Андреевичъ Ивановъ. Трескинъ былъ человекъ образованный и замѣчательно умный. Много читалъ, еще больше наблюдалъ и при отличной памяти имѣлъ большія свѣдѣнія, особенно обо всемъ касающемся морскаго дѣла. Обладая рѣдкою способностью вести пріятный и поучительный разговоръ съ дѣтьми и юношами, онъ былъ превосходнымъ рассказчикомъ и умѣлъ сдѣлать бесѣду свою увлекательною для юныхъ слушателей. А. А. Ивановъ, былъ человекъ впечатлительный, восторгающійся и немножко «поэтъ въ душѣ», какъ отзывались о немъ въ шутку воспитанники. Онъ былъ знатокъ и поклонникъ такъ называемой «изящной словесности». Читалъ все новое и глубоко уважалъ хорошихъ писателей. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ съ особеннымъ удо-

вольствіемъ говорилъ о литературѣ и читалъ воспитанникамъ все лучшее появившееся въ тогдашней печати. Подмѣчая между воспитанниками, болѣе способныхъ и воспримчивыхъ, онъ обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Оба эти офицера, хотя сами ничего кажется тогда не писали и не печатали, но своимъ вліяніемъ возбуждали въ способныхъ юношахъ охоту къ литературнымъ занятіямъ и желаніе попробовать на этомъ полѣ свои силы. Такъ случилось и съ Крашенинниковымъ: еще гардемаринномъ, онъ познакомился съ Воейковымъ, издававшимъ тогда «Русскій Инвалидъ», и въ этомъ журналѣ напечаталъ въ 1828 году первую свою статью: *Воспоминанія гардемарина*.

Не осталось безъ вліянія на С. П. и время, проводимое у Хавскихъ. Петръ Васильевичъ Хавской, извѣстный своими многочисленными трудами по части хронологіи, былъ тогда членомъ комисіи составленія законовъ. Заваленный работою, онъ нерѣдко заставлялъ помогать себѣ и Сергѣя Петровича и требовалъ при работѣ особенно строгой акуратности и порядка. Одно изъ тогдашнихъ занятій С. П. нерѣдко вспоминалось имъ, какъ самая дѣйствительная мѣра пріучившая его на всю жизнь къ строгому порядку въ письменныхъ дѣлахъ. Это занятіе состояло въ выписываніи заголовковъ различныхъ указовъ и размѣщеніи ихъ въ хронологическомъ и систематическомъ порядкахъ. Дѣло повидимому не мудреное, но требовавшее постоянного вниманія и, вѣроятно, усердный юристъ особенно строго налегалъ на помощника, когда оно оставило въ немъ такое сильное впечатлѣніе.

1828 года апрѣля 25, на семнадцатомъ году отъ рожденія, С. П. получилъ первый офицерскій чинъ мичмана и оставленъ для продолженія морскаго образованія въ офицерскихъ классахъ, только за годъ предъ тѣмъ учрежденныхъ при корпусѣ. Это было лучшее время существованія самыхъ классовъ. Приглашенные для преподаванія, молодые академики, уже извѣстные своими учеными трудами, и лучшіе спеціалисты того времени, занимались съ офицерами съ полною энергіею и встрѣчали въ большинствѣ слушателей сочувствіе и способность къ труду. Самъ основатель офицерскихъ классовъ, И. Ѳ. Крузенштернъ, слѣдилъ за всѣмъ съ особенною заботливостію и

для улучшенія преподаванія, дѣлалъ все что могъ, не жалѣя средствъ.

С. П., имѣя прекрасныя способности, легко справлялся съ приготовленіемъ лекцій и находилъ достаточно времени для литературныхъ занятій и удовольствій. Кромѣ морскаго общества, онъ, по своимъ родственнымъ связямъ, сблизился съ кружкомъ художниковъ и при своемъ живомъ, веселомъ и крайне симпатичномъ характерѣ, былъ принимаемъ въ немъ какъ близкій родной. Въ числѣ его знакомыхъ были и замѣчательно талантливые люди, какъ н. п. Иванъ Петровичъ Мартосъ, Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, вице-президентъ академіи графъ Ѳ. П. Толстой, Егоровъ, Баронъ П. К. Клодтъ и мн. др. и наконецъ, одинъ изъ особенно близкихъ былъ непремѣнный секретарь академіи художествъ В. И. Григоровичъ, домъ котораго въ это время служилъ главнымъ сборнымъ пунктомъ всего академическаго общества. Тѣсное сближеніе съ подобными людьми, ихъ горячіе разговоры, касающіеся художественныхъ интересовъ, имѣли сильное вліяніе на молодаго моряка. Они открывали ему новое, свѣтлое поле благородныхъ наслажденій, расширяли горизонтъ его знаній и ввели значительную долю поэзіи въ обычную жизненную прозу. Быстро пролетѣли срочные годы занятій въ офицерскихъ классахъ и С. П., успѣшно окончившій курсъ, въ послѣдній день 1831 года, получилъ лейтенантскій чинъ и вышелъ на дѣйствительную морскую службу.

Начиная съ первой гардемаринской морской кампаніи, слѣланной въ 1825 г., онъ, по 1846 годъ включительно, ежегодно ходилъ въ море и плавалъ каждое лѣто отъ четырехъ до шести мѣсяцевъ. Во время своихъ морскихъ путешествій ему удалось, кромѣ Балтики, побывать въ Бѣломъ и Нѣмецкомъ моряхъ, въ Сѣверномъ и Атлантическомъ океанахъ; обогнуть Нордкапъ, посмотреть хотя издали, на Исландію и побывать въ Пруссіи, Даніи, Англии и Франціи.

Въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1837 по 1843) Крашенинниковъ занимался съемкою береговъ Финскаго залива подъ начальствомъ извѣстнаго гидрографа того времени М. Ф. Рейнеке и два года командовалъ, въ его же отрядѣ, шкуною «Снѣгъ».

С. П. былъ однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Рейнеке, отлично зналъ дѣло и при своей неутомимости въ работѣ, энергій, умѣньи распорядиться, былъ правою рукою начальника. При этихъ занятіяхъ ему приходилось все время навигаціи, жить въ палаткахъ на разныхъ островахъ Финскаго побережья. Въ тихую погоду ежедневно отправляться, на шлюпкахъ, на промѣръ, иногда верстъ за десять отъ своего жилья; а въ бурную ѣхать за провизіей, или сидѣть за работою въ палаткѣ. Жилище это въ случаѣ сильнаго дождя или вѣтра было не совсѣмъ комфортабельно; но въ молодости на подобныя мелочи не обращается много вниманія и молодые гидрографы, въ рѣдкія свободныя минуты нашли возможнымъ заняться оригинальной забавой, именно изданіемъ рукописнаго журнала, который назвали кажется *Вѣха*, по имени предмета самаго близкаго къ ихъ служебнымъ занятіямъ. Въ этомъ журналѣ, кромѣ С. П. принимали участіе К. К. Сиденснеръ и особенно Д. И. Черницкій и нѣкоторыя удачныя стихотворенія импровизованныхъ поэтовъ до сихъ поръ сохраняются у любителей морской старины.

Зимнее время С. П. проводилъ въ С.-Петербургѣ, въ гидрографическомъ департаментѣ, приводя въ порядокъ и обрабатывая матеріаль, заготовленный лѣтомъ.

Своими трудами по съемкѣ С. П. справедливо прибрѣлъ авторитетъ дѣльнаго, способнаго и трудолюбиваго офицера и обратилъ на себя вниманіе высшаго морскаго начальства. Результатомъ этого были два лестныя предложенія, исполненіе которыхъ, отложенное по разнымъ обстоятельствамъ до другаго времени, досталось и другимъ лицамъ.

Первое изъ нихъ было предложеніе начальства надъ отрядомъ, назначавшимся въ 1840 году для описи Каспійскаго моря; второе—экспедиція на Аральское море, которая готовилась въ 1842 году въ строгомъ секретѣ и разстроилась по настоянію тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. «Итакъ, я два раза собирался на востокъ, писалъ С. П., и не попалъ туда! Бутаковъ, Алексѣй Ивановичъ, лучше меня исполнилъ дѣло на Аралѣ лѣтъ пять позже; а Николай

Алексѣевичъ Ивашинцовъ славно описываетъ теперь Каспій. Имъ и книги въ руки».

Третій выборъ, на новое дѣло, состоялся и имѣлъ рѣшительное вліяніе на служебную карьеру покойнаго. Это было предложеніе командованія почтовымъ пароходомъ. Въ 1844 году, по случаю задуманнаго почтоваго пароходнаго сообщенія между Кронштадтомъ и Свинемюнде, Крашенинниковъ, рекомендованный морскимъ начальствомъ, какъ отличный офицеръ, по порученію почтоваго вѣдомства долженъ былъ отправиться въ Англію, для наблюденія за постройкою заказаннаго тамъ парохода «Владиміръ». Но прежде командированія, для пріобрѣтенія практики въ управленіи пароходомъ, онъ, имѣя уже чинъ капитанъ-лейтенанта, назначенъ былъ въ лѣтнюю кампанію на пароходъ «Богатырь», помощникомъ командира В. А. Глазенапа. Въ іюлѣ мѣсяцѣ «Богатырю» пришлось перевести изъ Свинемюнде въ Кронштадтъ Государя Николая Павловича, который пробылъ на пароходѣ четверо сутокъ и остался очень доволенъ благополучнымъ, хотя, по случаю тумана, и медленнымъ переходомъ. Государь благодарилъ и щедро наградилъ весь экипажъ. При этомъ случаѣ и С. П. получилъ неожиданно, значительную для того времени, сумму 2500 рублей ассигнаціями. Окончивъ эту кампанію, Крашенинниковъ отправился въ Ливерпуль, гдѣ строился почтовый пароходъ; осенью слѣдующаго года прибылъ на немъ въ Кронштадтъ и въ навигацію 1846 года сдѣлалъ съ пассажирами между Кронштадтомъ и Свинемюнде семь переходовъ.

Къ несчастію, морская болѣзнь, съ которою онъ храбро, хотя и безуспѣшно, боролся въ продолженіе всѣхъ плаваній, теперь, въ званіи командира почтоваго парохода, сдѣлала службу его рѣшительно невозможною. Обязанность командира требовала сохраненія полныхъ силъ и сосредоточеннаго постояннаго вниманія; а болѣзнь парализировала и то и другое. Неравная борьба заставила уступить необходимости и С. П., несмотря на свою истинную привязанность и любовь къ морю, долженъ былъ проститься съ нимъ навсегда.

Онъ обратился въ почтовое вѣдомство и почтовое начальство съ распростертыми объятіями приняло такого отличнаго и уже

извѣстнаго ему служиваго. Въ новой службѣ С. П. нашелъ добрѣйшаго, расположеннаго къ нему, начальника, О. И. Прянишникова и многихъ добрыхъ сослуживцевъ, въ числѣ которыхъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ онъ былъ и оставался до конца жизни съ Н. И. Лаубе (впослѣдствіи управлявшемъ почтовымъ департаментомъ) и А. Ф. Деливронномъ, старымъ морякомъ, сыномъ того Франца Ивановича, въ пансіонѣ котораго С. П. приготовлялся къ корпусу. 1847 г. октября 9 Крашенинниковъ переименованный въ коллежскіе ассесоры сдѣлался чиновникомъ почтоваго вѣдомства и получилъ мѣсто экспедитора при разборѣ и раздачѣ денегъ съ бѣлорусскаго тракта. Въ его экспедиціи получались почты изъ 18 юго-западныхъ губерній Имперіи, Бессарабіи и тогдашняго царства польскаго. Число почтъ въ недѣлю доходило до 22 и на большихъ изъ нихъ иногда получалось около полуторы тысячъ пакетовъ съ деньгами. Если бы каждая почта являлась въ опредѣленный часъ, то дѣло, при всей своей утомительности, облегчалось бы опредѣленностію времени занятій, но при нашихъ путяхъ сообщенія, особенно во время распутицы, продолжающейся многіе мѣсяцы, почты опаздывали не часами а сутками. Прихода ихъ надобно было ожидать *всегда* и потому экспедитору *никогда* нельзя было располагать своимъ временемъ. Въ этой службѣ даже большіе праздники, обычное время отдыха для всѣхъ служащихъ, не преграждали, а усиливали трудъ, потому что у насъ никогда столько не пересылается денегъ какъ передъ праздниками. Зачастую С. П. приходилось просиживать за разборкою корреспонденціи на пролетѣ цѣлыя ночи и вообще служебная работа оставляла ему время только на пищу и сонъ и тотъ день онъ причислялъ къ особенно счастливымъ, въ который успѣвалъ спокойно прочитать газету.

Цѣлый 1848 годъ, С. П. провелъ въ такой страшной работѣ и во весь годъ, только въ день похоронъ своей матери, не былъ на службѣ. Строгая акуратность и осмотрительность въ обращеніи съ проходящими чрезъ его руки огромными суммами денегъ, однакоже, не могла спасти его отъ большаго горя. Въ 1849 году, во время поѣздки его въ деревню, одинъ изъ его помощниковъ, проигравъ значительную сумму денегъ—застрѣлился. Хотя въ

оставленной имъ запискѣ, онъ объяснилъ, что кромѣ его самого не было виноватыхъ, но казенныя деньги слѣдовало пополнить и часть этого пополненія легла на С. П. и значительно разстроила его небольшое состояніе.

Послѣ такой тяжелой катастрофы, почтовое начальство, знавшее незаслуженность несчастія С. П., успѣшило перевести его съ тѣмъ же содержаніемъ, на другое мѣсто, болѣе спокойное и менѣе отвѣтственное, именно мѣсто столоначальника Почтоваго Департамента.

Здѣсь вскорѣ ему представился случай приняться и за пріятную работу въ знакомой ему ученой морской сферѣ. Адмиралъ графъ О. П. Литке, бывшій тогда предсѣдателемъ морскаго ученаго комитета и хорошо знавшій Крашенинникова, предложилъ ему, не оставляя службы въ почтамтѣ, принять мѣсто правителя канцеляріи Ученаго Комитета.

Приказъ объ этомъ назначеніи состоялся въ 1850 г. марта 8-го и С. П. прослужилъ въ комитетѣ четыре года и два мѣсяца. Кромѣ текущихъ дѣлъ, на немъ лежала обязанность редактировать *Морской Сборникъ*, журналъ основанный въ 1848 г. и энергически поддерживаемый адмираломъ О. П. Литке, на сколько позволяли тогдашнія средства и обстоятельства. Хотя *Сборникъ* выходилъ небольшими ежемѣсячными книжками, но составленіе ихъ въ то время требовало особеннаго труда и даже ловкости. Усерднымъ сотрудникомъ С. П., по *Сборнику*, былъ Андрей Васильевичъ Фрейгангъ, трудившійся съ свойственными ему энергію и неутомимостію. «Работали мы почти изъ одной чести», шутливо замѣчалъ С. П., вспоминая объ этомъ времени. Но затрудненіе состояло не въ недостаткѣ годнаго матеріала, а въ помѣщеніи его въ журналъ. Гласность въ официальныхъ сферахъ была дѣломъ новымъ и непривычнымъ и потому все касающееся до нашего флота пропускалось въ печать съ большими затрудненіями и при особенномъ участіи, принимаемомъ въ этомъ дѣлѣ членомъ Ученаго комитета Б. А. Глазенапомъ и тогдашній *Сборникъ*, по необходимости, наполнялся преимущественно иностранными новостями. Это уже не зависѣло отъ редактора и лица, стоявшаго близко къ дѣлу,

отдавали полную справедливость С. П. и знали, что онъ дѣлалъ для изданія все, что тогда можно было сдѣлать. Въ 1853 году назначенъ былъ новый редакторъ Морскаго Сборника и С. П. прекратилъ занятія по редакціи.

1854 г. мая 12, Крашенинниковъ, по усиленію своихъ занятій въ почтовомъ вѣдомствѣ, оставилъ службу въ Морскомъ Ученомъ комитетѣ и по странной случайности въ тотъ же самый день, въ почтовомъ департаментѣ, назначенъ былъ начальникомъ отдѣленія.

Въ этомъ званіи онъ оставался до самой отставки, въ которую долженъ былъ 1863 года 5 января выйти по болѣзни. Уже въ 1859 году, воспаленіемъ въ легкихъ открылось начало страшнаго недуга, приведшаго его къ могилѣ. Съ того времени, не смотря на строго гигиеническую жизнь, правильное, внимательное леченіе и неоднократныя поѣздки за границу, болѣзнь усиливалась и 1870 года, апрѣля 21, С. П. скончался въ Швейцаріи, на берегахъ Женевского озера, близъ мѣстечка Монтре. Кончина его была такъ же спокойна, какъ и самая жизнь: онъ тихо безъ страданій заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Послѣдніе годы своей службы Сергѣй Петровичъ хотя и провелъ въ почтовомъ вѣдомствѣ; но душа его и всѣ симпатіи постоянно стремились ко флоту. Для него онъ воспитывался, на немъ провелъ лучшіе годы своей жизни, моряки разныхъ чиновъ и возрастовъ составляли большинство его родныхъ, друзей и знакомыхъ и исключительнымъ, любимымъ, по лемъ его дѣятельности, какъ писателя, была морская литература.

Несмотря на тяжкія служебныя занятія, онъ успѣвалъ отъ времени до времени тиснуть дѣльную статейку о какомъ-нибудь современномъ важномъ вопросѣ, интересующемъ моряковъ, и даже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ дѣтельнымъ сотрудникомъ въ военно-энциклопедическомъ лексиконѣ, издававшемся барономъ Зедделеромъ. Въ этомъ изданіи большая часть историческихъ морскихъ статей написана Сергѣемъ Петровичемъ.

Кромѣ Морскаго Сборника, гдѣ находится много статей имъ написанныхъ и еще болѣе (во время редактированія его) исправленныхъ, а нерѣдко и значительно передѣланныхъ, онъ

работалъ и для другихъ журналовъ, помѣщая въ нихъ статьи также морскаго содержанія.

Имя Крашенинникова, начиная съ 1828 г., встрѣчается отъ времени до времени въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: Сынъ Отечества, издававшемся Гречемъ, Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду, Сѣверной Пчелѣ и особенно въ Морскомъ Сборникѣ, въ которомъ послѣднимъ словомъ Крашенинникова была біографія адмирала Анжу, напечатанная въ декабрьской книгѣ 1869 года.

Статьи Крашенинникова были преимущественно историческаго содержанія, біографіи, разборы морскихъ книгъ, описанія разныхъ событій, касающихся флота и т. п.

Изъ біографій можно указать на жизнеописанія морскихъ историковъ: В. Н. Берха и С. И. Елагина, гидрографа Рейнеке, скульптора Мартоса, замѣчательнаго путешественника на Новую Землю Пахтусова, морскихъ писателей Броневскаго и Кузьмищева, морскихъ офицеровъ: Болговскаго, двухъ Суцевыхъ (П. И. и И. Н.) и Анжу.

Разборы книгъ, Сергѣю Петровичу случалось писать по самымъ разнообразнымъ специальностямъ морскаго дѣла и всегда рецензій его отличались добросовѣстнымъ отношеніемъ къ чужому труду и знаніемъ предмета. Имъ разобраны слѣдующія сочиненія:

Морская служба въ Англіи.—Перев. Корнилова. (При рецензій приложено описаніе протрактора, составленное самимъ Крашенинниковымъ), Наука морской артиллеріи—Цльина. Вооруженіе военныхъ судовъ—Посьета. Гидрографическое описаніе Бѣлаго моря—Рейнеке. Лоція Чернаго моря—Шестакова и Бутакова (двухъ изданій). Матеріалы для исторіи русскаго флота—Елагина и мн. другія.

Изъ собственно историческихъ статей и статей, написанныхъ по поводу извѣстныхъ случаевъ, были: Шведскія морскія силы, Сраженіе брига «Обсерваторъ» (объ переводныхъ). Морскія новости. Посѣщеніе эскадрой адмирала Свиявина Копенгагена и Портсмута. Новое торжество ботика Петра Великаго. Празднованіе столѣтняго юбилея Морскаго Кадетскаго корпуса и пр.

Хотя Сергѣй Петровичъ не написалъ ни одного большаго сочиненія, но всѣ отдѣльныя статьи его, собранныя въ одно цѣлое, могли бы составить не одинъ томъ. Въ печати, какъ и въ жизни, Сергѣй Петровичъ не терпѣлъ эффектовъ и пустословія; все написанное имъ строго держится избраннаго предмета, трактуетъ его просто, дѣльно, съ возможною полнотою и вѣрностію. Даже въ частныхъ письмахъ выражалось замѣчательное умѣнье покойнаго, въ самыхъ короткихъ словахъ сказать, *все* что нужно и именно *такъ*, какъ нужно.

Сергѣй Петровичъ до конца жизни продолжалъ заниматься любимымъ своимъ морскимъ дѣломъ. Привязанность его ко всему касавшемуся нашего флота была такъ сильна, что статья помѣщенная въ Русскомъ Архивѣ «Изъ записокъ Севастопольца», страшно его огорчила и вызвала замѣчанія его, помѣщенные въ № 2 М. Сб. 1868 г. Не ограничиваясь образованіемъ, полученнымъ на школьной скамьѣ, онъ не упускалъ пріобрѣтать свѣдѣнія гдѣ только было возможно. Такъ наприм., бывши при съемкѣ береговъ Финляндіи, онъ выучился порядочно шведскому и немного финскому языкамъ, а живши въ Англіи—англійскому.

Но сколько ни были полезны и почтенны служебные и литературные труды Сергѣя Петровича, они блѣднѣли при сравненіи съ болѣе важною его заслугою, именно, постояннымъ горячимъ служеніемъ человѣчеству, въ лицѣ всѣхъ, кто обращался къ нему за помощью. Служеніе это вырыжалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ подачи милостыни нищему, добраго совѣта, или пресительной записки о комъ-нибудь, до пріисканія мѣста бѣдному труженику, серьезныхъ хлопотъ по чужому дѣлу или исправленія объемастаго сочиненія, готовящагося къ печати. Сергѣй Петровичъ былъ даровой готовый работникъ для всѣхъ и каждаго и это сдѣлалось такимъ обычнымъ явленіемъ, что даже люди, почти съ нимъ незнакомые, беззастѣнчиво пользовались его снисходительностью и заставляли для себя трудиться.

Въ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ почти вовсе не было эгоизма, или по крайней мѣрѣ эгоизмъ подавленъ былъ до такой степени, что никогда не проявлялся въ дѣйствіяхъ. Вся жизнь

Сергѣя Петровича была практическимъ осуществленіемъ божественной задачи: «Возлюби ближняго твоего какъ самаго себя». Онъ былъ истинный христіанинъ, при теплой вѣрѣ, строго соблюдавшій всѣ обряды нашей церкви; но не рисовавшійся своею религіозностію и нетерпѣвшій ханжества. Многие и не подозрѣвали до какой степени онъ былъ богомоленъ. Даже близкіе знакомые, заставлявшіе Сергѣя Петровича за утреннимъ чаемъ, никакъ не воображали, что онъ уже успѣлъ побывать у ранней обѣдни; а это дѣлалъ онъ ежедневно, до тѣхъ поръ, пока не остановила болѣзнь.

Покойный, при строгости къ самому себѣ, былъ крайне снисходителенъ къ другимъ. Нельзя допустить, чтобы онъ при своемъ свѣтломъ умѣ и вѣрномъ взглядѣ, не сознавалъ своего нравственнаго превосходства; но онъ, по христіанскому смиренію, кажется, страшился, какъ тяжелаго преступленія, самой мысли объ этомъ предметѣ. Отзывать при немъ дурно о комъ-нибудь значило оскорблять его самого. Въ немъ была рѣдкая способность, въ самомъ дурномъ человѣкѣ находить хорошія стороны и выставлять ихъ въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, при которомъ невольно надо было мириться съ недостатками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда уже оправданіе было невозможно, Сергѣй Петровичъ прибѣгалъ къ страдательному молчанію, обыкновенно остававшіеся самому яраго порицателя. Достоинства и рѣдкая симпатичность Сергѣя Петровича были такъ необыкновенны, что всякій, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ на службѣ или въ частной жизни, привязывался къ нему навсегда.

При всей мягкости и деликатности, онъ, бывши въ высокой степени честнымъ и стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не прибѣгалъ никогда къ пособію той житейской гибкости, которая спасаетъ отъ многихъ бѣдъ. Сергѣй Петровичъ не умѣлъ кривить душой и хотя въ мягкой свойственной ему формѣ, но всегда говорилъ строгую правду, не разбирая чиновъ и отношеній. Горячій патриотъ и старый служака, онъ не позволялъ при себѣ относиться шутливо о нѣкоторыхъ завѣтныхъ предметахъ и если кто неосторожно касался ихъ, то Сергѣй Пе-

тровичъ терялъ свою обыкновенную сдержанность и больно обрывалъ неловкаго шутника.

Онъ принадлежалъ къ немногому числу людей, и сердце и умъ которыхъ, не старѣются съ тѣломъ. Сергѣй Петровичъ не отставалъ отъ современности; съ полнымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за ходомъ событій и никогда не кололъ молодежь стереотипною фразою стариковъ о томъ, что «въ наше время все было лучше»; напротивъ, любимая тема его разговоровъ съ молодыми людьми было сравненіе времени его молодости съ нынѣшнимъ, и сравненіе это выходило почти всегда къ невыгодѣ прошедшаго.

Покойный, несмотря на всѣ свои достоинства, или можетъ быть, по милости этихъ достоинствъ, невысоко успѣлъ подняться по ступенямъ служебныхъ отличій. Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника и съ орденомъ Св. Анны 2 степени съ короною. Эти скромныя награды, при его рѣдкихъ служебныхъ достоинствахъ и искреннемъ расположеніи къ нему всѣхъ начальниковъ, съ которыми ему приходилось служить, могутъ объясниться только русской пословицей: «дѣтя не плачеть, мать не разумѣеть». Дѣйствительно, благородный Сергѣй Петровичъ, назойливо выпрашивающій у начальства все, что можно было выпросить для другихъ, сгорѣлъ бы со стыда при одномъ намекѣ о самомъ себѣ. Если бы даже узналъ онъ, что кто нибудь изъ его вліятельныхъ друзей (а у него было ихъ не мало), рѣшился хлопотать за него предъ начальствомъ, то онъ способенъ былъ наговорить такому угодливому пріятелю дерзостей и раззнакомиться съ нимъ навсегда. По его словамъ, онъ за службу свою награжденъ былъ «не по достоинству», то есть, слишкомъ щедро.

Бесѣда Сергѣя Петровича производила на всякаго благотворное, умиряющее впечатлѣніе. Его внутреннее спокойствіе, трезвый, разумный взглядъ на жизнь, сердечная доброта, проявляющаяся въ оцѣнкѣ каждой личности и cadaго событія, наконецъ, твердая увѣренность въ непремѣнной побѣдѣ добра и правды, надъ всякимъ зломъ и ложью, отрезвляли и успокаивали cadaго. Его собесѣдникъ, съ нимъ вмѣстѣ, невольно возвышался надъ всѣми преходящими гнетущими жизненными

Сергѣя Петровича была практическимъ осуществленіемъ божественной задачи: «Возлюби ближняго твоего какъ самаго себя». Онъ былъ истинный христіанинъ, при теплой вѣрѣ, строго соблюдавшій все обряды нашей церкви; но не рисовавшійся своею религіозностію и нетерпѣвшій ханжества. Многие и не подозрѣвали до какой степени онъ былъ богомоленъ. Даже близкіе знакомые, застававшіе Сергѣя Петровича за утреннимъ чаемъ, никакъ не воображали, что онъ уже успѣлъ побывать у ранней обѣдни; а это дѣлалъ онъ ежедневно, до тѣхъ поръ, пока не остановила болѣзнь.

Покойный, при строгости къ самому себѣ, былъ крайне снисходителенъ къ другимъ. Нельзя допустить, чтобы онъ при своемъ свѣтломъ умѣ и вѣрномъ взглядѣ, не сознавалъ своего нравственнаго превосходства; но онъ, по христіанскому смиренію, кажется, страшился, какъ тяжелаго преступленія, самой мысли объ этомъ предметѣ. Отзывать при немъ дурно о комъ-нибудь значило оскорблять его самого. Въ немъ была рѣдкая способность, въ самомъ дурномъ человѣкѣ находить хорошія стороны и выставлять ихъ въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, при которомъ невольно надо было мириться съ недостатками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда уже оправданіе было невозможно, Сергѣй Петровичъ прибѣгалъ къ страдательному молчанію, обыкновенно останавливавшему самаго яраго порицателя. Достоинства и рѣдкая симпатичность Сергѣя Петровича были такъ необыкновенны, что всякій, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ на службѣ или въ частной жизни, привязывался къ нему навсегда.

При всей мягкости и деликатности, онъ, бывши въ высокой степени честнымъ и стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не прибѣгалъ никогда къ пособію той житейской гибкости, которая спасаетъ отъ многихъ бѣдъ. Сергѣй Петровичъ не умѣлъ крикнуть душой и хотя въ мягкой свойственной ему формѣ, но всегда говорилъ строгую правду, не разбирая чиновъ и отношеній. Горячій патриотъ и старый служака, онъ не позволялъ при себѣ относиться шутливо о нѣкоторыхъ завѣтныхъ предметахъ и если кто неосторожно касался ихъ, то Сергѣй Пе-

тровичъ терялъ свою обыкновенную сдержанность и больно обрывалъ неловкаго шутника.

Онъ принадлежалъ къ немногому числу людей, и сердце и умъ которыхъ, не старѣются съ тѣломъ. Сергѣй Петровичъ не отставалъ отъ современности; съ полнымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за ходомъ событій и никогда не кололъ молодежь стереотипною фразою стариковъ о томъ, что «въ наше время все было лучше»; напротивъ, любимая тема его разговоровъ съ молодыми людьми было сравненіе времени его молодости съ нынѣшнимъ, и сравненіе это выходило почти всегда къ невыгодѣ прошедшаго.

Покойный, несмотря на все свои достоинства, или можетъ быть, по милости этихъ достоинствъ, невысоко успѣлъ подняться по ступенямъ служебныхъ отличій. Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника и съ орденомъ Св. Анны 2 степени съ короною. Эти скромныя награды, при его рѣдкихъ служебныхъ достоинствахъ и искреннемъ расположеніи къ нему всехъ начальниковъ, съ которыми ему приходилось служить, могутъ объясниться только русскою пословицей: «дѣтя не плачетъ, мать не разумѣетъ». Дѣйствительно, благородный Сергѣй Петровичъ, назойливо выпрашивающій у начальства все, что можно было выпросить для другихъ, сгорѣлъ бы со стыда при одномъ намекѣ о самомъ себѣ. Если бы даже узналъ онъ, что кто нибудь изъ его вліятельныхъ друзей (а у него было ихъ не мало), рѣшился хлопотать за него предъ начальствомъ, то онъ способенъ былъ наговорить такому угодливому пріятелю дерзостей и раззнакомиться съ нимъ навсегда. По его словамъ, онъ за службу свою награжденъ былъ «не по достоинству», то есть, слишкомъ щедро.

Бесѣда Сергѣя Петровича производила на всякаго благотворное, умиряющее впечатлѣніе. Его внутреннее спокойствіе, трезвый, разумный взглядъ на жизнь, сердечная доброта, проявляющаяся въ оцѣнкѣ каждой личности и cadaго событія, наконецъ, твердая увѣренность въ непремѣнной побѣдѣ добра и правды, надъ всякимъ зломъ и ложью, отрезвляли и успокаивали cadaго. Его собесѣдникъ, съ нимъ вмѣстѣ, невольно возвышался надъ всеми преходящими гнетущими жизненными